

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Чарская
Большой Джон

«Public Domain»

1912

Чарская Л. А.

Большой Джон / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1912

Большого Джона усадили, принесли еще скамью и разместились на ней зелено-белым роем. И мысли, и глаза, и уши были напряженно заняты теперь одним только Большим Джоном, голова которого препотешно выглядывала из-за белой стены белых пелеринок и зеленых платьев. Большой Джон, нимало не подозревая о совершившемся по его милости переполохе, по просьбе своих новых сорока друзей уже рассказывал им различные случаи из своего недавнего путешествия по свету. В пылу рассказа молодой человек и не замечал, что число его слушательниц увеличивалось с каждой минутой. Маленькие карабкались на скамейки и, чтобы лучше видеть, подсаживали друг друга...

© Чарская Л. А., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лидия Алексеевна Чарская

Большой Джон

ГЛАВА 1

Рассказ Лотоса. – На молитве. – Паника. Человек в плаще

«...За окном сада зловеще зашелестели черные крылья. Что-то ярко блеснуло в темноте. К аромату роз и лотосов, раскрывших свои пахучие чашечки, присоединился теперь чуть заметный, но страшный запах тления. Луна пугливо скрылась за облаками. Окно широко раскрылось, и Черный Принц, подобный огромной птице, влетел в комнату. Он направился прямо к колыбели ребенка... Цепкими руками вампир отдернул нарядный полог люльки, наклонился над вскрикнувшим от ужаса младенцем, кровожадно приник к сердцу мальчика и стал пить каплю за каплей его кровь...»

– Ужасно!.. – прервала рассказчицу маленькая, толстенькая Даурская и нервно одернула белую пелеринку на груди.

– Молчи, Додошка!.. Мешаешь слушать... Рассказывай, что было дальше, Елочка... Ах, душка, что за прелесть!.. Откуда ты вычитала все это?..

Смуглая, полная и рослая девушка лет семнадцати, с вьющимися черными, как у негритянки, волосами, Зина Бухарина, смотрела на рассказчицу вопрошающе.

– Чудно, дивно, божественно!.. Да тут с ума сойти можно от всей этой таинственности!.. – загалдели сидевшие за столом институтки и плотнее придвинулись к рассказчице, забыв о кружках чая, стывших перед ними.

Высокая, бледная Елецкая, с прозрачно-зелеными глазами, похожими на загадочные глаза русалки, и с пышными черными волосами, венчающими головку, раскрыла было рот, чтобы продолжать свое повествование, как неожиданно Даурская сказала:

– Поистине ужасно, mesdam'очки!.. Ведь Черный Принц ест таким образом уже восьмисотого ребенка!.. – и, с широко раскрытыми от ужаса глазами, она обернулась к своей соседке по столу и произнесла сладко:

– Послушай, Рант. Я вижу, ты не ешь твою булку... дай мне, пожалуйста.

– Даурская, противная!..

– Не мешай слушать!..

– Весь мир готова из-за булки забыть!..

– Несносная Додошка!.. – возмутились ее подруги.

– Оставьте ее, mesdames! Додошка хочет отъестся к ночи... Она очень худа, бедняжка, и Черному Принцу, – а он наверное прилетит к ней сегодня, чтобы съесть ее, как тех злосчастных восьмисот младенцев, – достанутся одни только кости... Дай же ей твою булку, Рант. Ведь и гусей тоже откармливают перед тем, как подавать их к столу...

Тоненькая, со смелым лицом веселого мальчугана, с короткими кудрями, девочка, казавшаяся много моложе своих семнадцати лет, обратила задорные серые глаза к Додошке.

– Да вы с ума сошли, Воронская!.. Mesdam'очки, скажите ей, что она сошла с ума!.. Как она смеет называть меня гусем и пугать Черным Принцем! – с визгом подскочила Додошка.

– Даурская... Taisez vous.¹ Вы не умеете себя вести, как подобает приличной барышне, – услышали в тот же миг девочки недовольный голос, и m-lle Эллис, классная дама, в синем форменном платье, неожиданно предстала перед своими питомицами.

Она скользнула недовольным взглядом по лицу покрасневшей Додошки и тотчас же захлопала в ладоши, повышая голос:

– На молитву, mesdames!.. На молитву!..

Зашумели отодвинутые скамейки, зашелестели зеленые камлотовые платья, и двести семьдесят пять девочек-институток, маленьких и больших, чинно выстроились на молитву.

На середину столовой, в которой были собраны к чаю все девять классов, включая и два старших педагогических отделения «курсисток», как их называли в институте, – вышли две девочки из группы выпускных, с Евангелием и молитвословом в руках. Одна из них – маленькая, плотная, с вызывающим, почти дерзким лицом, белокурая, розовая, с необычайно добрыми, честными, голубыми глазами; другая – несколько повыше ростом, стройная, с восточным типом лица, с глубоким и печальным взором, с лицом тонким, бледным и прекрасным, напоминающим южный цветок. Первую, Симу Эльскую, за вечные шалости и мальчишеские выходки прозвали «Волькой», от слова «воля» – свобода, которую усердно рекомендовала всем эта необузданно-смелая и шаловливая девочка, приводившая в неопишное волнение своих классных дам. Другую, с газельим взором, по прозвищу «Черкешенка», звали Еленой Гордской. Она родилась и выросла в Тифлисе и бредила высокими горами и тихими долинами прекрасного Кавказа, хотя не имела ничего общего ни с татарами Дагестана, ни с жителями тихой и печальной Грузии...

Обе девочки медленно вышли на середину огромной столовой, остановились под газовыми рожками, спускавшимися на длинных шестах сверху и освещавшими комнату, и поочередно стали читать молитвы и главу из Евангелия. Институтки притихли. Зеленоглазая Елецкая, или «Елочка», только что рассказывавшая за столом про Черного Принца, молилась тоже, или, вернее, не молилась, а думала о том, как красиво и просто звучали слова Евангелия, как прекрасна была вера Елисаветы, к которой пришла Мать Господа, как хорошо и чисто, должно быть, пахли иерусалимские розы и как дивен был мир в те далекие времена...

Неожиданно сладкие мечты Елецкой, «Лотоса», как ее прозвали подруги за необычайную нежность и почти прозрачную белизну лица, прервались. Чья-то тонкая рука легла на ее пальцы и сжала их.

– Слушай, Лотос, наклони голову, а то «синявка» увидит... Так... А теперь слушай: откуда ты знаешь всю эту нелепую историю про Черного Принца? Скажи мне, пожалуйста, – насмешливо голосом спрашивала стоявшая рядом с Лотосом на молитве Лидия Воронская.

– Бессовестно и глупо смеяться, Воронская, над тем, чего сама не понимаешь, – досадливо отвечала Елецкая. – История Черного Принца далеко не выдумка. Это было истинная правда. Ее рассказывали духи, тени умерших людей, одной женщине, и она записала все это дословно... Об этом есть даже целая книга... Черный Принц существовал на свете, потом умер и прилетал в виде птицы с того света пить кровь детей и молодых девушек... Клянусь тебе, что это была правда.

– А я тебе клянусь, что все это чушь! – вспыльчиво вскрикнула Воронская, совершенно позабыв о том, что она стоит на молитве, и нетерпеливо топнула ногой.

– Воронская... Vous serez inscrite!² – прозвучал голос неожиданно вынырнувшей откуда-то m-lle Эллис.

¹ Молчите.

² Воронская, вы будете записаны!

Подтверждая свою угрозу, классная дама извлекла из кармана штрафную книжечку, куда заносились фамилии провинившихся воспитанниц, и четко вывела на ее маленькой страничке фамилию Воронской.

– Ах, пускай записывает сколько влезет! – досадливо махнув рукой, проворчала Лида, – но ты-то должна по крайней мере сознаться, Елочка, что все это чепуха, – снова обратилась она к Елецкой.

– Воронская! – прозвучал негодующий голос синей дамы, и новая заметка водворилась против имени Лиды в «штрафной».

Воронская на мгновение умолкла, потом по-мальчишески тряхнула короткими волосами и вновь зашептала чуть не в самое ухо своей соседке:

– Ты пойми, Лотос... Ты пойми... Я не верю, я не могу верить... Мертвые никогда не возвращаются с того света... Все это чушь и глупости одни... Уверю тебя, Елочка, уверю тебя...

Она хотела прибавить еще что-то для убедительности, но мгновенно смолкла и подалась назад.

Перед ней было перекошенное от гнева лицо Лотоса.

– Ага!.. Ты не веришь!.. Ага!.. – каким-то свистящим шепотом произнесла Елецкая. – Так вот что: приходи сегодня в полночь в умывальню... Весь наш кружок «тайнственной лиги» будет на сеансе, устраиваемом в честь Черного Принца... Мы будем вызывать духа Гаруна-аль-Рашида, а может быть, его, Черного Принца... Приходи!.. Слышишь? Ровно в двенадцать мы начнем наш сеанс...

Разговор Воронской и Елецкой был прерван резким окликом классной дамы.

– Молчать!.. Не шептаться, Елецкая!.. Taisez vous!..

Обе девочки поспешно отвернулись одна от другой.

Молитва окончилась.

Снова загремели скамейки, зашелестели зеленые платья, и двести семьдесят пять воспитанниц, в возрасте от девяти до восемнадцати лет, спешно выстроившись в пары, стали чинно подниматься в верхний этаж, где их ждали жесткие казенные постели и ночной отдых до следующего утра.

Лида Воронская шла в паре с Верой Дебицкой, веселой черноглазой девочкой, первой ученицей класса. За ними чинно выступали красавица Черкешенка и бледная Елочка. Потом шла Мара Масальская, хохлушка из-под Киева, с румяным лицом, со вздернутым неправильным носом и темными блестящими глазами, как черешни из ее родимых вишневых садов. С нею об руку шла не по годам умная, серьезная Женя Бутусина, «профессорша», девочка редкой честности и неподкупности убеждений.

М-Ше Эллис, французская дама, полненькая, добродушная, но очень вспыльчивая особа, с черепаховым пенснэ на носу, вела класс. По обе ее стороны шли миниатюрные Пантарова и Додошка. Замыкали длинную шеренгу, разбитую на двадцать пар старшего класса, высокие Зина Бухарина с типичным южным лицом креолки, за которое она и носила это прозвище, и степенная Старжевская, отличная ученица и лучшая музыкантша-пианистка из всего первого класса.

Младшие отделения давно покинули столовую, а за ними вступили в длинный нижний коридор и старшие, выпускные.

Лида Воронская шла, низко опустив голову. Обычно веселые глаза девочки теперь рассеянно скользили по ровным квадратикам паркета.

Мысли Лиды были поглощены предстоящим «сеансом» в умывальной. Она хорошо знала, что Лотос, Бухарина, Макарова, Гордская, Дебицкая и сестрички Пантаровы тайком от других институток устраивают по ночам какие-то секретные заседания, или, как они сами выражались, «занимаются спиритизмом». Лида знала, что спиритизм – это целое учение о

таинственной силе, которая дает возможность вызывать души людей, давно умерших, даже за многие сотни и тысячи лет, и разговаривать с ними, заставляя их отвечать на разные вопросы. Она также слышала и то, что для вызова духа с того света поклонники спиритизма – «спириты» и «спиритки» – прибегают к довольно странному способу: они садятся за стол в полутемной комнате и, положив на край стола руки, ждут в глубоком молчании, когда стол начнет стучать ножками, ходить по комнате, вертеться. Слышала Лида и о тех, якобы одаренных особенной духовной силой людях, «медиумах», которые служат посредниками между тенями умерших людей и вызывающими их спиритами.

В то время спиритизм вообще был в большой моде. В великосветских гостиных ему посвящали много времени, спорили о нем, говорили, писали, причем одни увлекались им, другие считали обманом. Это модное развлечение проникло и в стены института, где вскружило многие юные взбалмошные головки.

Лида не верила в спиритизм, не верила в возможность какого-то бы ни было общения людей с духами при посредстве вертящихся столиков и медиумов. Она смеялась от души, когда узнала, что некоторые из ее подруг поддались модному способу времяпрепровождения и стали устраивать в институтской умывальной свои сеансы, образовав особый кружок под названием «Кружок таинственной лиги». Еще больше смешило Лиду, что Елецкая, «Лотос», она же, по другому прозвищу, «Пушкинская Татьяна», она же «Елочка» – по третьему, была единогласно в кружке признана «медиумом», способным вызывать духов для переговоров, и орудует всюду на этом поприще.

Лида давно жаждала получить приглашение в странный кружок. Ее всегда забавляли таинственные спиритки. Однако последние остерегались приглашать Воронскую, боясь недоверия и насмешек с ее стороны. Остерегались до последнего дня, но вот сегодня ее, наконец, позвали.

Лида торжествовала. Ее любопытство было крайне раздражено. Веселой, с трезвыми взглядами на жизнь, девочке казались странными, нелепыми и смешными все эти басни о духах, являвшихся по первому зову какой-то маленькой институтки, вроде Елецкой, и подобных ей. И она была убеждена, что достаточно будет хоть раз побывать ей на, «сеансе», чтобы убедиться, что это чушь и выдумки.

Она и сейчас думала об этом, шагая по длинному коридору в этот поздний вечерний час. Неожиданно на ее плечо легла рука Креолки.

– Лида, Вороненок, ты послушай, что она говорит, – зашептала Бухарина, тараща и без того огромные глаза в сторону Елецкой, – ты послушай только, что она говорит, Вороненок, милый...

– Что, что такое? – неожиданно пискнула вынырнувшая перед ними Додошка, – что она говорит, Зиночка?... Скажи, скажи...

– Ах, душка, опять о Черном Принце!.. Слушайте только...

И Креолка, всплеснув руками, беспомощно сложила их на груди.

– Говори, Лотосенька, говори, Елочка!.. Ах!.. – просила Рант, чахоточная девочка, с багровыми пятнами румянца на щеках и с милыми, необычайно живыми глазами.

Елецкая не заставила себя просить. Ее несколько безумный взор расширился, зеленый русалочий огонь загорелся в нем. Лицо, бледное, без кровинки, вдохновенно просияло, и она проговорила глухо, в экстазе, разом охватившем ее:

– Я верю, что он, Черный Принц, есть, был и будет... Что там, где знают его, говорят о нем, там он и пребывает... Я точно слышу шорох его огромных крыльев за спиной, когда он летает, и его легкие шаги, когда он ходит здесь по земле. И я чувствую еще, что он явится сюда к нам, в этот темный коридор, не сегодня завтра, когда все улягутся спать, когда потухнут огни и... и...

– И будет пить нашу кровь и кушать наше сердце... Право, вы должны сознаться, что у Черного Принца довольно странный аппетит, – послышался насмешливый голос Воронской.

На нее зашикали, затопали.

– Опять насмешки, Воронская!.. Не принимать ее в кружок, медапочки, не принимать ни за что на свете! – послышались негодующие голоса.

– Глупышки вы этакие, несут всякую чушь, а сами трясутся... – рассмеялась Лида.

– И все-то ты врешь, никто не боится, – трусливо озираясь, шепнула Додошка. – Ни одна душа, ясно, как шоколад... Чего тут бояться?

Воспитанницы миновали длинный коридор и вошли на темную площадку лестницы, где внезапно потух газовый рожок и воцарилась полутьма.

– Ничего я не боюсь, – расхрабрилась Додошка. Ее руки судорожно потирали одна другую, а взгляд продолжал пугливо бегать по сторонам.

– Уж будто?.. – сощурилась Воронская.

– Тише же, медапочки, дайте Лотосу говорить, – зашикала Бухарина, и ближайшие пары снова повернули головы в сторону бледной девочки с русалочьим взглядом.

– Да, mesdames, я чувствую, что он придет скоро, – своим глухим, надтреснутым голосом снова заговорила Елецкая. – Он войдет через швейцарскую, прорвется за стеклянную дверь, вихрем промчится через площадку и лестницу, и... и появится там, на том конце коридора, – заключила она и, протянув вперед бледные руки, замерла, тараща свои и без того огромные глаза.

– А!.. а-а-а!!! – диким, пронзительным криком вырвалось у воспитанниц.

– Черный Принц уже здесь!.. Здесь!.. – взвизгнула Додошка и, закрыв лицо передником, спотыкаясь и путаясь в длинном камлотовом платье, с тем же пронзительным визгом бросилась опроретью по лестнице, прыгая через несколько ступеней зараз.

Как стая испуганных птиц, шархнулись за нею и остальные. Не помня себя, с диким истерическим криком, институтки метнулись вперед, толкая и сбивая с ног друг друга.

Паника старших заразила младших, которые уже успели добраться до верхнего этажа. Крик повторился на верху лестницы, пронзительный, гулкий. Кричали маленькие, кричали средние, кричали большие, кричали классные дамы, стараясь во что бы то ни стало водворить порядок и успокоить мечущихся в страхе детей.

– Он тут!.. Он тут!.. Он идет сюда! Спасайтесь, mesdames! Спасайтесь! – неистовствовала Додошка, цепляясь своими пухлыми руками за передники бегущих подруг.

– Вот он!.. Вот он!..

Несущаяся, как стрела, Елецкая разом остановилась и, тяжело переводя дух, протянула вперед руку.

– Вот он!.. – в диком экстазе вскричала она. Бегущие девочки замерли на минуту, столпившись испуганным стадом овец на средней площадке лестницы. И новый отчаянный вопль потряс стены здания и гулким пронзительным эхом повторился там наверху визгливыми головами малышей.

В дальнем конце коридора, где белела стеклянная лазаретная дверь и где рядом находилась квартира начальницы, появилась высокая, худая фигура человека в черном,двигающаяся вперед стремительным шагом, прямо навстречу перепуганным выпускным...

* * *

Черный Принц... Неужели это он?..

Мысленно задав себе этот вопрос, Лида Воронская не ощутила ни малейшего страха. Одно лишь жгучее любопытство разбирало девушку.

Мимо нее только что с диким воплем пронеслась последняя пара одноклассниц, и на нижней темной площадке теперь оставалась только она, если не считать высокого человека в черном плаще, быстро приближавшегося к ней по коридору.

Человек сделал еще несколько шагов по направлению приютившейся у подножия лестницы девочки и теперь уже был близко от нее.

Что-то екнуло в сердце сероглазой Лиды, не то испуг, не то смятение. На площадке было темно и пустынно.

Швейцар Петр, или «кардинал», как его называли институтки за пурпуровую ливрею, вышел подышать весенним мартовским воздухом, и девочка оказалась наедине с высоким человеком в черном плаще.

«Неужели Черный Принц не выдумки?», – вихрем пронеслось в мыслях Лиды.

Но смятение недолго гостило в ее впечатлительной, но далеко не трусливой душе. Не терпя еще с детства ничего недоговоренного, неясного, девочка и теперь сгорала от желания выяснить как можно скорее появление таинственного незнакомца в нижнем коридоре института.

И прежде чем высокий человек успел сам приблизиться к ней, Лида Воронская быстро шагнула ему навстречу и крикнула звонко:

– Кто вы такой?.. И зачем вы пришли сюда?..

– Маленькая русалочка, стыдно забывать старых друзей! – послышался веселый отклик, и быстрым движением высокий человек сорвал широкополую фетровую шляпу с головы и темный плащ, окутывавший его.

Перед Лидой мелькнули богатырские плечи, длинная шея и почти детская по размеру голова с пронизательными и острыми глазами ястреба и прямым носом. Человек улыбнулся.

– Большой Джон!.. Ах, это вы! – радостно вырвалось из груди Лиды, и охваченная приступом необузданного детского восторга встречи она запрыгала на месте и захлопала в ладоши, как самая маленькая девочка.

Молодой человек с ласковой улыбкой посмотрел на нее и рассмеялся.

– Милый Большой Джон!.. Вы мало переменились, милый, хороший Большой Джон, за эти четыре года!.. Представьте себе, наши глупые девочки приняли вас за Черного Принца!.. Да, за Черного Принца! – говорила Лида, блестя разгоревшимися, счастливыми глазами.

– Ого! За Черного Принца!.. Да это совсем нечто новое и интересное... Вы мне, конечно, потом объясните, кто такой Черный Принц, маленькая русалочка. А теперь покажитесь-ка, дайте взглянуть на вас, – беря за обе руки свою собеседницу, говорил неожиданный гость.

С минуту он созерцал девочку молча, ласковыми, но острыми глазами, потом снова заговорил, произнося слова с чуть заметным иностранным акцентом:

– О, как же мы выросли за эти четыре года! Совсем стали взрослою барышнею! А только где же ваши длинные косы, маленькая русалочка?

– Их срезали во время скарлатины, Большой Джон. Но не в этом дело... Рассказывайте, откуда вы появились сейчас, – радостно расспрашивала Лида.

– Позвольте же мне пройти сперва в приемную, русалочка... Право, болтать в приемной куда удобнее, нежели здесь, на лестнице, – рассмеялся Большой Джон беспечно и тут же прибавил:

– Я уже побывал у вашей баронессы-начальницы, и она разрешила мне повидаться полчаса с вами... разумеется, после того как я сообщил ей, что с вечерним экспрессом приехал из Лондона и сегодня же ночью еду снова домой, в Шлиссельбург.

– Как?.. Вы уезжаете сегодня, Большой Джон? – испуганно спросила Лида.

– О, нет! Это была только военная хитрость, маленькая русалочка, невинная ложь вашего большого друга, для того, чтобы повидать вас сегодня же, – снова рассмеялся молодой чело-

век. – Ведь иначе ваша директриса не разрешила бы мне повидать вас сегодня... А мне так хотелось вас повидать!.. Но я останусь в Петербурге до завтра и завтра еще раз побываю у вас.

– Ах! – радостно вырвалось из груди Лиды, и она крепко сжала руку своего собеседника.

Они прошли в небольшую комнату с зеленою мебелью по стенам, с высоким трюмо в простенке между окон, с изображениями лиц императорского царствующего дома – огромными портретами во всю высоту стен.

– Ну, вот, садитесь здесь и рассказывайте! – командовала Лида, усаживая своего гостя в удобное мягкое кресло у окна. – Где вы были, Большой Джон?.. Что вы видели?.. Как путешествовали все эти четыре года?.. Рассказывайте же, рассказывайте скорей!

– О, это слишком долго рассказывать, маленькая русалочка, – запротестовал ее гость с добродушной улыбкой. – Когда вы окончите курс и приедете весной в наш богоспасаемый город Шлюшин, как его называют мои русские друзья, я вам буду рассказывать так много, что у меня онемееет язык, а у вас заболят уши. А теперь, в эти полчаса, я могу только сообщить вам, что, благодаря моим ходулям-ногам и длинной, как у жирафа, шее, я за последние четыре года исходил и повидал гораздо более всего того, что полагается исходить и видеть обыкновенным смертным. Я залезал, русалочка, на самую высь альпийских ледников и низвергался в тихие долины Тироля. Я носился, как рыба-акула, по водам океанов и сгорал от зноя в горячих пустынях... Я задираю свою маленькую голову так, что с нее слетала шляпа, и глазел на гигантские грани Хеопсовой пирамиды и наипочтительнейшим образом раскланивался перед великими сфинксами пустыни. Не говорю уже о том, что я любовался боем быков в Мадриде, лобзал папскую туфлю в римском Ватикане и объедался устрицами в Остенде. Все это было предобросовестно проделано мною до тех пор, пока не прошли четыре года и я не почувствовал, что мой кошелек так же пуст, как желудок выздоравливающего после диеты...

– Ха! ха! ха! – Звонко рассмеялась Лида. – Вы тот же Джон, тот же милый Большой Джон, каким были и до вашего путешествия по всему свету!

– Я не вижу причины изменяться, маленькая русалочка, – произнес он и придал своему лицу комически-унылое выражение, при виде которого девочка окончательно развеселилась.

– Ну, а теперь расскажите про себя. Как ваши дела и делишки? Каковы ваши отношения к домашним, к вашей мачехе, братьям и малютке-сестре? Вы помните, в наше последнее свидание вы так нелюбезно отзывались о мачехе. Вы не любили тогда вашу вторую маму и даже рассердились, когда я заговорил о ней... Впрочем, не будем пока вспоминать об этом... Скажите лучше, как чувствует себя русалочка и все ли еще мечтает она о том, как хорошо было бы сделаться принцессой, как мечтала она когда-то маленькой девочкой. Помните?

Лида, застенчиво посмеиваясь над собою, стала быстро рассказывать своему взрослому другу о том, что за четыре года, которые они не виделись, многое изменилось в ее жизни, что между ней и ее мачехой, которую она раньше ненавидела, теперь самые лучшие отношения, что она любит свою «вторую» маму немногим разве менее «солнышка», то есть отца, которого она и сейчас обожает, как прежде, нет, даже больше прежнего, что братья ее подросли, а сестричка Нина – такая душка, такая прелесть. Затем Лида рассказала об институтской жизни и сообщила, что в институте все стало по-новому с тех пор, как они «выпускные». Им теперь дано больше свободы. О, гораздо больше! У них поставлено зеркало в дортуаре и «свои» собственные свечи горят до одиннадцати часов. Им разрешено даже читать Толстого и Гончарова. Затем она подробно рассказала, как девочки увлекаются спиритизмом, устраивают сеансы, не все, конечно, а только те, которые принадлежат к кружку «Таинственной лиги». И особенно они увлекаются Черным Принцем, в которого она, Лида, конечно, не верит, но дух, которого вызывает Лотос, утверждая, что этот Черный Принц жил когда-то в Индии, пил кровь детей и девушек, кушал их сердца и... и...

– Прекрасное жаркое, нечего сказать!.. Но как вы можете повторять подобные нелепости, милая русалочка? – спросил Джон и покачал своей комически-миниатюрной головою с коротко

остриженной белокурой щетинкой волос. – Ведь я думаю, что вы, по крайней мере, не верите всему этому вздору?

Потом его лицо разом стало серьезно. Он взял своей большой рукой маленькую ручку Лиды и заговорил тоном старшего брата, разговаривающего с младшей сестрой:

– Вот видите ли, маленькая русалочка, я был в Индии, в стране таинственного, на многое наглядился у индийских факиров и убедился воочию, что по большей части это ловкие фокусники, дурачащие легковверный народ. Многие из них в моем присутствии вызывали духов, которые разговаривали загробными голосами, вырывали пламя и огонь из земли, и так далее. Но оказалось, что это были не колдуны и чародеи, а просто обманщики. Правда, существуют какие-то странные силы в природе, магнетизм и гипнотизм, исходящие от более энергичных людей и действующие на более слабых. Но при чем же тут вызывание давно умерших?.. Не понимаю, как может прийти покойникам блажь покидать свой загробный мир и прогуливаться по свету! Я уверен, что никакого духа Черного Принца, пожирающего детей, никто в мире вызвать не может, потому что его не было, нет и не будет... В этом я даю вам на отсечение мою голову, слишком маленькую голову слишком Большого Джона, – заключил он со смехом.

Молодой человек стал собираться домой.

– А теперь доброй ночи, маленькая русалочка. Вы видите, что я люблю вас, как мою младшую, самую дорогую сестренку, и прежде нежели попасть в наш маленький городок, где мы с вами познакомились, я завернул к бедной русалочке-принцессе, запертой в замок колдуньи Науки ровно на семь лет... Завтра приду к вам снова, конечно, если пожилые дамы из породы Аргусов, оберегающие ваше спокойствие, не будут ничего иметь против... А пока до скорого свидания, маленькая сестричка-русалочка. Спице хорошенько. Желаю вам от души увидеть меня сегодня во сне!

– До скорого свидания, Большой брат Джон, – произнесла Лида.

Оба разом поднялись со своих мест и пожали друг другу руки. Потом Большой Джон накинул на плечи свой неуклюжий плащ, тот самый, который так помогал ему защищаться от бурь и ветров на снежных альпийских вершинах, и, еще раз улыбнувшись сероглазой девочке, вышел из приемной.

ГЛАВА 2

В дортуаре. – О недавнем прошлом. Союз Таинственной лиги. – Гарун- аль-Рашид. – Загробная поэзия

– Никакого Черного Принца нет, не было и не будет! Если не верите мне, спросите Большого Джона. Он объездил весь мир и знает все, что происходит на свете! – заявила торжественно и громко с порога спальни Лида Воронская.

Эта спальня, «дортуар» по-институтски, представляла собой длинную, узкую комнату с иконой в углу, перед которой теплилась хрустальная лампада. В противоположном углу стояло высокое узкое трюмо. Далее была дверь, ведущая в умывальную. Четыре ряда кроватей с жесткими матрасами и казенными нанковыми одеялами были размещены таким образом, что соприкасались изголовьями одна с другой. Подле каждой постели находился ночной столик, разделяющий кровати небольшим, узким пространством, называемым «переулком». В ногах кроватей стояли деревянные табуреты, на которых лежало аккуратно сложено на ночь платье воспитанниц.

Сами воспитанницы сидели, разбившись группами, на постелях и табуретах в «собственных» фланелевых цветных юбочках и «собственных» же байковых платках на плечах. На каждом ночном столике стоял подсвечник из цветного хрусталя с зажженной свечой. Отблески свечей играли на стенах, и делали казенную неуютную спальню веселее и наряднее, нежели днем.

По оживленным спорам девочек, по их взбудораженным лицам было видно, что недавний переполох еще далеко не улегся в этом девичьем заповеднике, отделенном толстыми, крепкими стенами от всего прочего мира.

Когда Лида Воронская, возбужденная и запыхавшаяся, со съехавшей набок пелеринкой, вбежала сюда, все разом повскакивали со своих мест и окружили подругу.

– Что такое?.. Как нет Черного Принца?.. Кто же был человек в плаще?.. И где ты пропала все время?.. – посыпались на нее вопросы.

Лида едва успевала отвечать любопытным подругам.

– Повторяю еще раз: Черного Принца нет. Все выдумки и чепуха!

– Неправда! Ложь!.. Я видела черные крылья за плечами незнакомца и мрачные глаза, сверкавшие из-под капюшона, – доказывала Додошка.

– Додошка, молчок! Ты и у ламповщика Кузьмы тоже видела рога на голове в прошлое воскресенье. Удивительная психопатка!.. – заметила голубоглазая Эльская и метнула в сторону Даурской сердитый взгляд.

– Эльская, вы не имеете права браниться! – живо закипела Додошка.

– Ты невероятно глупа, если думаешь, что это брань, – спокойно возразила Сима.

– Нет, я знаю, «психопатка» бранное слово. Есть даже лечебница для психопаток, психопатская лечебница, – продолжала горячиться Даурская.

– Дурочка, вовсе не психопатская, а психиатрическая, – пояснила Эльская.

Но не так-то легко было навести на путь истины кубышку Додо.

– Неправда!.. А если вы, Эльская, браниться будете, я пожалуюсь m-lle Эллис, – окончательно рассердилась она.

Сима пожала плечами, махнула рукой и, решив, что бесполезно «просвещать» Даурскую, отошла от нее.

– Послушай, Воронская, не разговаривай ты с ними, – сказала Сима. – Они невменяемы, право, и тебе их все равно не переубедить. Отнять у них веру в Черного Принца и в прочую чепуху – значит отнять радость и смысл их серой, будничной жизни. Они взвинчивают сами себя, пугаются и трепещут, и во всем этом они видят какой-то смешной и нелепый интерес... Если бы ты знала, как я хохотала, когда они все бежали, точно испуганные овцы, по лестнице, неистово горляня!.. Это, понимаешь ли, была незабвенная картина! Но где ты была? Кто это был у тебя на приеме? – неожиданно спросила Эльская.

Лицо Лиды приняло счастливое выражение.

– У меня был Большой Джон, понимаешь? Тот самый Джон, который изъездил весь мир, о нем я вам всем рассказывала столько раз прежде.

– Большой Джон Вильканг? – послушались недоверчивые голоса.

– Он самый! – подтвердила Лида. – А завтра он придет снова и будет на приеме. Я познакомлю вас всех с ним, и он расскажет вам про Испанию и Алжир, про Индию и Египет и еще про то, что Черный Принц – гадость и чепуха, и что только дети способны поверить в это...

– Да, да!.. Только дети и глупые институтки! – насмешливо присовокупила Сима.

Кто-то дернул Лиду за пелерину. Она живо обернулась. Перед ней стояла Елецкая.

– Воронская!.. – произнесла она и ее русалочьи глаза заблестели недобрыми огоньками. – Мы все, члены «Таинственной лиги», торжественно объявляем вам, что присутствие ваше на наших ночных сеансах не может быть ни в коем случае допустимо.

И сделав величественный жест рукою, она отошла от Лиды с видом разгневанной королевы.

– Бедненькая Воронская! Горе твое непосильно... Ты изойдешь слезами, бедняжка!.. Еще бы... Быть изгнанной из членов «Таинственной лиги!» О, это ужасно! Бедная! бедная!.. Позволь мне, ввиду твоего горя, приготовить тебе полдюжины платков для утирания слез, – и, едва договорив, шалунья Эльская повалилась с хохотом на постель и оглушительно застучала ногами о железную сетку кровати.

– Эльская, я вас презираю! – тоном, не допускающим возражений, произнесла разгневанная Елецкая, не удостоив Вольку ни единым взглядом.

– Медамочки, разойдитесь!.. Атилла идет!.. – выкрикнула Рант, пулей влетая в спальню.

Почти одновременно с нею дверь из смежной с дортуаром комнаты приоткрылась, и толстенная m-lle Эллис, неизвестно почему прозванная именем предводителя гуннов, вошла в спальню выпускных.

– *Couchez-vous, mesdames! Couchez-vous. Il'est deja onze heures...*³ Эльская, что у вас за манера валяться с ногами на постели!

– К сожалению, я не могу отрезать свои ноги и спрятать их в карман, – ответила Сима, делая страшную гримасу.

– Не острите! Это неумно! Вы, кажется, никогда не поймете доброго к вам отношения! – вспыхнула m-lle Эллис. – И потом я должна всем вам сказать, что такой крик, такая суматоха недопустимы в стенах воспитательного заведения для благородных девиц. Что сделалось с вами сегодня, когда вы вышли из столовой! Всех маленьких перепугали... В другой раз я буду записывать зачинщиц... И что вас могло так испугать?.. *Je ne comprends pas!*⁴

– Даурская, m-lle, видела вампира... – пискнула Юля Пантарова, прозванная подругами за свой маленький рост «Малышкой».

– Даурской всегда что-нибудь видится неприличное, – произнесла добродушно m-lle Эллис и, погрозив пальцем Додошке, захлопала в ладоши.

– Разве вампир это что-нибудь неприличное? – наивно спросила Пантарова.

³ Ложитесь спать! Ложитесь спать! Уже одиннадцать часов...

⁴ Я не понимаю!

– В постели, mesdames, в постели! Il est temps de dormir,⁵ – произнесла в ответ классная дама.

Дежурившая в этот день по классу старшая Пантарова, Катя, не уступающая в шалостях своей младшей сестре, выдвинула табурет на середину спальни и протянула руку к висевшему над ее головой газовому рожку, прикрутила в нем свет. Дортуар погрузился в полумрак.

Лида Воронская зябко куталась в нанковое одеяло, свернувшись калачиком на своем матрасе.

М-ше Эллис прошла по притихшему дортуару, громко пожелала спокойного сна воспитанницам и исчезла за дверью своей комнаты.

Лида Воронская лежала напротив окна, выходящего на двор института. Луч месяца и легкий сумрак весенней ночи, слабо прорезываясь сквозь синюю штору, делали таинственными белые постели с притихшими в них сорока юными воспитанницами. С одной стороны Лиды уже умудрилась сладко уснуть Додошка, с другой – черкешенка, приподнявшись на локте, мечтательно вглядывалась в мигающий огонек лампы. В противоположном углу дортуара вполголоса, иступленно Рант и Малявка.

Таинственный свет лампы перед образом Спасителя и синяя штора с проскальзывающим сквозь нее сиянием месяца напомнили Лиде давно забытую спальню, давно минувшие годы детства. Легкий сонм крылатых грез веял над ней.

Она, Лида, маленькая, смешная девочка, воображающая себя какой-то сказочной принцессой, перед которой все окружающие должны были склоняться до земли. Самолюбивая, гордая, любимица отца, баловень четырех теток и молоденькой гувернантки, Лида имела основание считать себя каким-то божком. У маленькой Воронской не было матери. Она умерла при рождении девочки. Зато у нее был отец необычайной доброты, горячо любивший свою девочку. Отца Лиды звали Алексеем Александровичем Воронским; в устах же Лиды не находилось другого имени, как «солнышко», для горячо любимого папы. Это прозвище девочка придумала еще в раннем детстве и с тех пор не называла отца иначе, как «солнышко», «папа Алеша» или другими ласковыми именами.

Станным ребенком росла Лида. Она ни в чем, казалось, не знала золотой середины: то ее игры были мальчишески буйны, то вдруг, налетавшая на нее мечтательность погружала девочку в какой-то фантастический мир. Она воображала себя сказочной принцессой и жила своими грезами, чуждыми действительности.

Когда Лида подросла, случилось так, что «солнышко» выбрал себе новую подругу жизни – отец «принцессы» женился...

Лида потеряла голову. Маленькая принцесса упала с неба на землю. Ей дали мачеху! Весь мир стал точно сразу серым, бесцветным в глазах ребенка, считавшего что ее «солнышко» должен был любить ее одну в целом свете...

Лида замкнулась, ушла в себя. Она вообразила себя жертвой мачехи, такой именно, о которых говорится в сказках. Она стала сторониться даже своего солнышка-отца за то, что он предпочел ей чужую «тетю Нелли», светскую барышню, которая, несмотря на всю ее доброту, не сумела найти общий язык с маленькой падчерицей. Лида просто возненавидела ее.

Когда Лиде минуло одиннадцать лет, она в Доме своего отца (они жили тогда в Шлиссельбурге) встретила странного молодого человека, всегда веселого, бодрого духом, и любила его, как брата.

Это был Джон Вильканг, сын англичанина, владельца большой фабрики под Шлиссельбургом, только что вернувшийся из Англии, где он блестяще окончил Оксфордский университет. С первого же дня знакомства «Большой Джон» (как он сам себя назвал вследствие необычайно высокого роста) привязался к «маленькой русалочке» – такое прозвище было им дано

⁵ Время спать.

Лиде – и всячески старался смягчить ее отношение к «новой маме». Это однако плохо удавалось ему: Лида ненавидела последнюю до тех пор, пока сама судьба не дала совершенно новый оборот делу.

Это случилось в то время, когда Лида была воспитанницей одного из младших классов института. В страшную для института зиму две воспитанницы заболели тяжелой формой оспы. Лида Воронская была одной из этих двух жертв. Девочка, чуть живая, лежала изолированная в темной комнате, с повязкою на глазах. За ней ухаживала, с редким терпением, какая-то женщина, которая называла себя сестрою милосердие Анной. Она, не боясь заразы, позабыв грозившую ей самой опасность смерти, ни на минуту не отходила от постели больной.

Только благодаря уходу сестры Анны Лида была вырвана из когтей смерти.

Дни и ночи она просиживала в совершенно темной комнате у изголовья девочки, покорно выполняя все ее капризы, все ее желания.

Лида не могла не привязаться к этой самоотверженной женщине, не могла не полюбить ее со всем пылом своей экзальтированной души. Привязалась она к сестре Анне, не видя ее лица, потому что во все время болезни глаза Лиды были закрыты повязкой.

Постоянным желанием выздоравливающей стало увидеть и как можно скорее милую сестру. И когда впервые упала с лица больной пропитанная каким-то лекарственным снадобьем маска, девочка увидела ту, которую страстно ненавидела до тех пор, и с того дня любила ее всей душой.

Оказалось, что ее мачеха приняла на себя добровольно роль сестры милосердия, чтобы вырвать свою падчерицу из грозных когтей смерти...

Прошло четыре года, и Нелли, которая возбудила сначала такую ненависть у необузданной своей падчерицы, стала нежной, ласковой и заботливой матерью для юной Лиды Воронской.

* * *

Лида спала. Кроткими лучами сиял молодой месяц, бросая легкий свет на лица молодых девушек, сладко спавших на жестких постелях.

Но не все девушки спали в эту ночь. Вот приподняла головку с подушки Горская, перегнулась через спящую Лиду, дотянулась рукою до изголовья Додошкиной кровати и стала тормошить спящую девочку за плечо.

– Даурская, вставай!

Кубышка Додо от неожиданности скатилась с постели.

В это время на противоположном конце дортуара Лотос будила Бухарину, Рант – вторую Пантарову и Дебицкую.

– Вставайте, медапочки, скорее вставайте. Уже полночь давно, и как раз время начинать сеанс...

К одной из ближайших к Воронской постели подбежала, шлепая босыми ногами, Макарова-«Макака», маленькая, кукольного роста девочка с хорошеньким добродушным личиком избалованного и капризного дитяти.

– Мара, вставай!.. Пора, Хохлушечка! Лотос всех будит! – тормошила она разоспавшую соседку, и круглолицая Мара стала усиленно протирать заспанные глаза. Легкими белыми тенями, в длинных сорочках, холщовых юбках и ночных кофточках, с распущенными вдоль спины косами, в шлепанцах, девочки проскользнули в умывальную одна за другой.

Это была небольшая комната с широким медным желобом и десятком таких же крапов, Полочки для мыла, несколько деревянных табуретов и комод с выдвигаемым ящиком, где, сладко похрапывая, с широко открытым ртом, спала сном праведницы дортуарная девушка

Акуля – вот и вся незатейливая обстановка этой комнаты, где должен был произойти спиритический сеанс.

Первая вошла в умывальную Елецкая и тотчас же принялась за работу. Она сдернула с плеч толстый байковый платок-плед и разостлала его посреди комнаты, потом вынула из-за пазухи большой вчетверо сложенный лист бумаги и разложила его поверх платка. На листе огромными буквами, в виде круга, занимавшего весь лист, был написан алфавит.

Затем из кармана холщовой юбки она достала небольшое блюдечко и, опрокинув, положила его в середине азбучного круга. На нижней стороне блюдца, у самого края его, красовалась черненькая небольшая чернильная точка, в виде кляксы.

– Ложитесь все на плед, – скомандовала Лотос, и все девочки, не медля ни минуты, улеглись на платке вокруг листа с азбукой.

– Ты будешь записывать слова духа, Гордская, – тем же, не допускающим возражений, голосом приказывала Елочка, – я же, как медиум, Бухарина, Макарова и Дебицкая будем держать блюдечко. Рант, Хохлушка, Малявка, Додошка, следите за нами, чтобы никто не вздумал плутовать.

– Хорошо! – дружно отозвались спиритки и замерли, лежа на платке животами вниз.

Стрекоза Рант, Креолка Бухарина, Вера Дебицкая и сама Лотос положили указательные пальцы на края блюдечка.

– Все ли готовы? – с тем же торжественным видом спросила Елецкая. Она стала буквально неузнаваема за эти короткие минуты. Щеки – без признака крови, русалочьи глаза, горящие и жуткие, волосы – черные, распущенные по плечам, – все это делало странную, экзальтированную девочку каким-то особенным, чуть ли не фантастическим существом в глазах ее подруг.

– Начнем... – раздался снова глуховатый голос Ольги.

– Ах, постойте, – прозвенел тоненький голосок Черкешенки, – а как же Воронская?.. Ведь мы же пригласили ее...

– Черкешенка не может жить без своей вороны, – засмеялась, ехидничая, Малявка. – Да ты не слышала разве, что Лотос нашла ее недостойной войти в кружок Таинственной лиги, в наш кружок?..

– Да, я признала ее недостойной, – отозвалась Лотос.

– В таком случае я ухожу, – произнесла Черкешенка, отталкивая от себя лист бумаги и карандаш, которым приготовилась уже записывать речи вызываемого духа.

– Это невозможно! – с досадой проговорила Елецкая, – без твоего присутствия сеанс немислим. У тебя такие глаза, душка, что ты сама иногда можешь быть, за моим отсутствием, медиумом. Нет, уж раз пошло на это – оставайся. Я готова уступить. Додошка, пойдти в дортуар и приведи сюда Воронскую, – неожиданно обратилась она к Даурской.

– Послушайте, Елецкая, не посылайте меня в дортуар, я боюсь. Там так храпят, точно перед смертью, – взмолилась Додошка, умоляюще складывая свои пухлые ручки на груди.

Она говорила Лотосу «вы» в эту минуту, как и все прочие спиритки, видевшие в Елецкой во время сеансов особое существо, посредницу между ними и загробным миром.

– Ты пойдешь, Додошка!.. Слышишь ли, ты пойдешь!.. – настойчиво повторила Лотос, и глаза девочки блеснули гневом.

– Иди, Додик, иди, милый!.. Я тебе завтра за обедом за это мою порцию вареников с творогом отдам... – шепнула Рант и незаметно перекрестила Додошку.

Толстенькая девочка при напоминании о варениках уже не колебалась ни одной минуты: соблазн был слишком велик. Додошка облизнулась, как котенок, и робким шагом направилась в дортуар.

Там было все по-старому. Девочки спали. Кто-то говорил во сне: «Отдай мне мои калоши... Это мой номер, а не твой, Карская, глупая, слепая... Не видишь разве?»

Додошка подошла к постели Воронской.

– Лидка, проснись!.. Пожалуйста, проснись поскорее!.. Вороненок... пожалуйста, проснись!

Долго упрашивать ей, однако, не пришлось. Воронская уже сидела на постели, слушала бессвязный лепет Додошки и, тихо посмеиваясь, протирали глаза.

– Ага! Понимаю! Гордская просила за меня... Дурочка! Зачем? А впрочем, отчего же не познакомиться с Черным Принцем и другими мертвыми господами?.. Хорошо, я согласна. Иди и скажи им всем, что сейчас оденусь и приду.

– Ни за что одна не пойду! – возразила Додошка. – Мурка орет во сне как безумная. Не пойду мимо ее постели одна... Я подожду тебя, Лидюша... милая, позволь...

– Вот так спиритка! Храбрости хоть отбавляй! Ну, хорошо, идем вместе.

Когда они появились в умывальной, девочки лежали по-прежнему неподвижно, как мумии, на широком пледе посреди комнаты, с лицами, красноречиво выдающими их душевное волнение.

– Бог в помощь, сестрички!.. – весело проговорила Воронская.

– Тише, тише, молчи, Вороненок, ты спугнешь духа, несчастная!.. Блюдечко движется уже, гляди... – всполошились Малявка и Хохлушка.

Лида заглянула вниз через головы подруг.

Блюдечко, чуть придерживаемое четырьмя указательными пальцами четырех девочек, действительно, легонько двигалось по кругу, останавливаясь сделанной на нем черной точкой то на одной букве, то на другой.

Гордская записывала буквы, из которых составлялись слова. Таким путем дух разговаривал со спиритками. Последние затихли и внимательно следили за ходом блюда.

– Ложись, Лида, и не смейся, пожалуйста... Ты испортишь нам этим все дело, – сказала черкешенка, и ее холодная, как лед, рука нервно сжала пальцы подруги.

Лида с обычной своею насмешливой улыбкой легла на указанное место, решившись позабавиться во что бы то ни стало в эту ночь.

Блюдечко двигалось все быстрее и быстрее. Серые, черные и синие глаза напряженно следили за ним.

Буквы, на которых останавливалась отметинка блюдечка, выливались в слова и приобретали смысл.

Дух говорил посредством блюдечка со своими почитательницами, очевидно, самым серьезным образом.

Лотос-Елецкая с застеклевшим взглядом, глухим, замогильным голосом вопрошала невидимое таинственное существо:

– Кто ты, решивший покинуть загробный мир ради нас, жалких, ничтожных детей земли?..

И она застыла в ожидании ответа.

Блюдечко задвигалось, останавливаясь то здесь, то там. Слова выходили.

«Я тот, о котором вы слышали все. Я нахожусь теперь в лучезарном саду блаженства и только изредка спускаюсь к вам, беседовать с теми, кто верит и любит меня...»

– Мы любим тебя, мы верим в тебя, голубчик, миленький!.. – со слезами, скорее страха, нежели любви, рявкнула Додошка.

– Молчать!.. – грозно прошипела Лотос, и ее тонкий бледный палец свободной левой руки закачался перед самым носом не в меру расходившейся спиритки.

– Тише, mesdames... Я чувствую... Я знаю, что он здесь сейчас между нами... – добавила она, оглядывая лица подруг. Малявка тихо взвизгнула от страха и поджала под себя босые ноги. Маленькая Макарова отскочила от листа, как от горячих угольев, и взмолилась:

– Умоляю вас, Елецкая, отпустите меня! Пусть кто-нибудь другой вертит блюдечко, я не могу больше...

– Ты дура, Макака, если говоришь так! – И глаза Ольги замечали молнии в сторону нарушительницы порядка. – Сколько раз говорить вам: вертит блюдечко «он», невидимый и бестелесный, вкладывая в наши пальцы ту силу и волю, которая исходит из него самого...

И тотчас же, наклоняясь к самому блюдцу, произнесла голосом, полным мольбы и тревоги:

– Заклинаю тебя, о божественный, открыть нам твое имя, а также сказать, с кем ты желаешь беседовать из нас.

Таинственное блюдечко забегало, чуть ли не заплясало, в центре алфавитного круга, останавливаясь то на одной, то на другой букве.

Вышло: «Я хочу сыпать благоухание моих речей для возлюбленной дочери, моей по духу Ольги Елецкой».

– О, благодарю тебя, дух! Не имею сил высказать тебе мою преданность! – ударяя себя в грудь свободной левой рукой, воскликнула Ольга. И бледные щеки ее окрасились слабым румянцем радости.

– Но кто ты, скажи нам, великий! Имя, имя твое сообщи нам!.. – совершенно забывшись в охватившем ее экстазе, завопила она, колотя ногами по полу.

Теперь блюдечко уже не скользило, а металось от буквы к букве изо всей прыти, на какую может быть способно простое, из белого фарфора, блюдечко.

Вот оно остановилось на «я», на «г», на «а», на «р», на «у» и так далее.

Вышла фраза: «Я Гарун-аль-Рашид, калиф Багдадский и поэт Гренады».

– Ах! – вырвалось из груди десятка девочек. – Это он! Арабский повелитель и поэт!

– Тот самый, что ходил по улицам Гренады и прислушивался к нуждам своего народа, чтобы помогать беднякам, чтобы заставить судей судить по всей справедливости. Он жил в VIII веке после Р. Х. и прославлен в сказках «Тысячи и одной ночи», – твердо отчеканивая каждое слово из урока всеобщей истории, пояснила Ранг. Это был тот самый урок, за который она на прошлой неделе получила пятерку с минусом по двенадцатибалльной системе и потому помнила его теперь чуть ли не наизусть.

Воспользовавшись этой суматохой, Воронская заняла место Макаки, и тонкий палец девочки лег на освободившийся краешек блюдца. Лотос неистовствовала. Как и подобало вести себя посреднице живого с загробным миром, она била себя в грудь, тарасила и дико поводи́ла глазами и то шептала чуть слышно, то завывала страшным голосом, не имевшим ничего общего с обычно нежным, несколько глухим голоском ее эфирного существа.

Дортуарная Акуля начала уже заметно беспокоиться в своей выдвижной постели; сквозь сон она слышала все эти завывания.

А блюдечко бегало как живое. Буквы мелькали за буквами. Выходили стихи.

Гарун-аль-Рашид, очевидно, пожелал наградить виршами своих благонравных спириток:

«Ночь тиха, ароматом Гранадских садов,

– выводило теперь неистово танцующее по бумаге блюдечко, -

Насыщен беломраморный город,
Спят и Тигр, и Евфрат у своих берегов,
Спит нужда, спят печали и голод...
Я Гарун-аль-Рашид, повелитель людей,
Я насытил все нужды народа,
Осушил слезы бедных голодных детей,

Я им создал спокойные годы:
Каждый мавр может кушать чеснок с колбасой
И закусывать их апельсином,
Пастилу Абрикосова, с чаем порой,
Или сушки Филиппова с тмином...»

– Что?!. Что такое?!. Что за чепуха!.. Сушки от Филиппова и пастила от Абрикосова!..
– При чем же тут Гранада?!. – послышался сдержанный ропот недоумевающих девочек.
– А Тигр и Евфрат, разве они протекают через Гренаду?.. – возмущалась Вера Дебицкая, первая ученица. – Это невозможно!..

– Все возможно!.. Все!.. Все!.. Для духа по крайней мере, для духа Гаруна-аль-Рашида!.. – восторгалась Лотос и с пылающим лицом снова склонилась к блюдечку.

– О, великий повелитель Гренады, о, могучий калиф! – молила она. – Ты шутишь с нами. Шути, великий, если ты не гневен. Если же ты гневен, то выскажи свое неудовольствие нам. Чем мы прогневили тебя?.. И скажи, могучий, чем нам умиловать тебя.

«Нужна искупительная жертва, и когда она будет принесена, вы увидите Черного Индийского Принца, который явится к вам в эту же ночь...» – выплясывало блюдечко, и лица юных спириток приняли выражение самого острого, самого напряженного внимания.

– О, говори, великий, что нам сделать, чтобы умиловать тебя? – вопрошала в экстазе Лотос.

Но тут блюдечко заплясало уже самым беззастенчивым образом. Стали выходить невероятные фразы и слова.

Дух, видно, забавлялся не в меру. «Пусть Додошка откажется завтра от своего пеклеваника с сыром за завтраком», – назначал дух искупительную жертву, отчего Даурская, чуть ли не плача, прошептала:

– Господи!.. Отчего же это на меня одну напасть такая!..

Но следующая фраза успокоила ее. «Пусть мой верный медиум вымажет себе нос сажей», – снова, резвясь, приказывал дух.

«И, наконец, пусть девицы Рант, Пантарова и Макарова окатят друг друга водой из-под крана».

О, это было уже слишком!..

– Дух шутит, – с мученической улыбкой на тонких губах проговорила Лотос, – надо дать отдых ему и себе... Отдохнем, подруги, и запасемся свежими силами, чтобы подготовиться к встрече с самим Черным Принцем.

– Как вы думаете, Елецкая, не надеть ли нам фланелевые юбки?.. Ведь Черный Принц мужчина, а мы в одних рубашках... – предложила Малявка, лязгая зубами от холода, так как успела достаточно продегустировать в холодной умывальной.

– Да, вы наденьте юбки. А поверх них задрапируетесь одеялами. Так будет хорошо. Мы погасим ночник, чтобы Акуля, как недостойная, когда явится «он», не могла «его» увидеть... – мечтательно, с тою же блуждающей на тонких губах улыбкой, роняла Ольга.

– Елецкая, душка, послушайте, что я вас спрошу... Надо «ему», духу, делать реверанс, как учителям и инспекторам, или кланяться головой, как батюшке и архиерею? – дергая Лотоса за рукав кофты, приставала Додошка.

– По-моему, надо делать реверанс, ведь инспектору делаем, а «он» выше, – резонировала Макарова.

– Нет, Макакенька: духу реверансов не делают, – вмешалась с самым серьезным видом Воронская и в уголках ее рта зазмеилась усмешка. – Надо попросту потереться лбом и носом об пол. Это и будет самый лучший индийский привет...

– Воронская, если ты будешь насмешничать, мы изгоним тебя с сеанса! – спокойно, ледяным голосом произнесла Елецкая. – Боже, до чего они все глупы! – в отчаянии всплеснула она руками.

– А я все-таки скажу ему, как начальнице: – *Nous avons l'honneur vous saluer!*⁶ – волновалась, лязгая зубами, Додошка, склонившись к самому уху своей подруги Стрекозы.

– А он тебе за непочтение нос откусит, – вмешалась Воронская. – Говорю, надо на полничком и лбом о половицы, это самое рациональное у них выражение благоговения и восторга.

Додошка захлопала глазами и широко раскрыла рот, не зная верить ей или не верить.

Умывальная опустела, но не надолго. Вскоре в ней снова появились юные спиритки в синих, красных и голубых юбочках и в нанковых одеялах, в виде плащей спускавшихся до пят и волочившихся по полу наподобие шлейфов.

Одна Елецкая, как медиум, в отличие от подруг, вместо одеяла задрапировалась в простыню, цвет которой мог свободно спорить с ее бледным, как полотно, прозрачным личиком.

Теперь в умывальной стало темно. Кто-то проворно погасил ночник. Дортуарная Акуля, зарывшись еще глубже в своем ящике-кровати, храпела и причмокивала во сне. Луч месяца играл на ее круглом лице, на обнаженной руке и на покоившемся на полу белом листе бумаги с четко вырисованным в нем кругом алфавита.

Девочки в своих фантастических покрывалах из одеял стояли, прижимаясь друг к другу. На их лицах было написано испуганное ожидание. У Додошки Даурской громко стучали зубы. Только двое из присутствующих оставались спокойными в эту минуту. Ольга Елецкая лежала распростертая над блюдечком, с распущенными, как у русалки, волосами, с белой простыней-покрывалом, пришпиленным к голове. Она положила длинные бледные пальцы на край блюдца и с нетерпением ждала того, что скажет ей дух. Лида Воронская безмятежно сидела на краю желоба умывальника и хладнокровно болтала ножками, обутыми в красные туфли. По лицу Лиды блуждала улыбка недоверия.

Ольга Елецкая приблизила горящие глаза к самому блюдечку и произнесла глухо: – Великий дух Гарун-аль-Рашид, когда мы увидим Черного Принца?.. Соблаговоли ответить нам, могучий из калифов Гренады!

Тут блюдечко сделало не то скачок, не то шарахнулось, как живое, и плавно поплыло по кругу.

«Сейчас!» – произнесло безмолвными буквами алфавита оно.

Все ахнули от неожиданности. Додошка тихонько трижды перекрестилась под одеялом. Малявка беспомощно прошептала, подскочив к Воронской.

– Вороненок, душка, я сяду около тебя... Можно?

– Садись, если не боишься со страха в решительную минуту полететь в желоб.

Но Пантарова не поняла насмешки и, тяжело посапывая носом, уже влезала на выбранный ею пост.

Черкешенка точно зачарованная смотрела в лицо Лотоса.

Последняя, не меняя позы, спросила снова:

– Еще молю тебя ответить, повелитель, в каком виде мы увидим Черного Принца в эту ночь?

И снова блюдечко отвечало, танцуя по бумаге:

«Он войдет после того, как полная тишина водворится среди вас. И ты, девушка в белом, возлюбленная посредница наша между двумя мирами, живым и мертвым, не успеешь описать трех кругов вокруг себя рукою. На третьем круге послышатся шаги, дверь в коридор откроется, и Черный Принц войдет к вам в царской тиаре и виссоне... Вы услышите шаги его за минуту до появления Принца...»

⁶ Имеем честь вас приветствовать!

– Ай, как страшно!.. – взвизгнула Малявка и прижалась всем телом к Лиде Воронской, чуя в ней одной найти защиту.

Но никто не обратил на нее внимания. Всех привлекала к себе в этот миг одна Лотос. Быстрым движением Елецкая поднялась на ноги и очутилась на табурете.

– Вы слышали?! Вы слышали?! – срывался с ее губ торжествующий клич, в то время как зеленые огни в глазах разгорались все ярче и ярче. Черные волосы струились из-под простыни вдоль стана. Синеватой бледностью покрылось и без того прозрачно-белое лицо. – Смирно стойте!.. – продолжала она чуть внятно. – Сейчас он придет... явится сию минуту... Воронская, Пантарова, сюда! Я сейчас начинаю.

От девушки веяло какой-то непонятной, таинственной радостью. Ее огненные глаза точно притягивали к себе взоры. Они гипнотизировали, эти зеленые глаза, и Воронская невольно подчинилась на минуту их странной силе.

– Пойдем, Малявка, – сказала она своей соседке и, крепко взяла дрожащую девочку за руку.

Ольга все еще стояла на табурете, сверкала глазами, ставшими теперь почти безумными в их непреодолимом желании увидеть «Принца», увидеть как можно скорее, а ее помертвевшие губы шептали одно только слово:

– Явись!.. Явись!.. Явись!..

Потом она подняла руку и мерным, плавным движением обвела ею вокруг себя. Обвела раз, обвела в другой и в третий... Потом стала прислушиваться, подавшись всем телом вперед и вытянув шею.

– Я слышу шаги... – неожиданно сказала Рант.

– И я тоже... – прозвучал голосок черкешенки.

– Это он!.. – простонала помертвевшая от страха Додошка.

Шаги раздавались чуть слышно... Кто-то шел по коридору, таинственный и незримый.

– Боже!.. – не то стон, не то вздох вырвался из чьей-то груди.

Все замерли. Шаги приближались, крадущиеся, странные, точно неживые, шаги... Вот они ближе, еще ближе... Затихли, притаились за дверью.

Сердца у девочек бились так, что их, казалось, было слышно.

Лицо Воронской стало блее бумаги, но взор девочки был смело устремлен прямо на дверь.

И вот чья-то костлявая рука, чьи-то длинные худые пальцы схватились за край двери. Дверь бесшумно подалась вперед, и на пороге умывальной показался длинный бледный призрак с закутанной наподобие турецкой чалмы головой.

– А-а-а!!! – завизжала Малявка и без чувств грохнулась на пол.

– Это он!.. – в тон ей закричала Додошка и, упав на колени, зарылась лицом в распластанную по полу шаль Елецкой.

– Вон!.. – резко выкрикнула Лотос, соскакивая с табурета и впиваясь дрожащими руками в костлявые плечи призрака. – Убирайся вон, безобразный фантом!.. Мы вызывали не тебя, а Черного Принца... Убирайся вон!.. Провались сквозь землю!.. Сгинь!.. Сгинь!.. Сгинь!.. – она изо всей силы выталкивала белое привидение за дверь.

Оно попятилось назад, отступило. Девочки онемели. Неожиданно белый призрак затряс головой, так что чалма соскочила с его головы, а белая фланелевая шаль – с плечей, и перед институт-ками предстала... фрейлейн Фюрст, их немецкая классная дама, с которой вот уже три года «старшие» вели непримиримую и жестокую войну.

В первую минуту фрейлейн Фюрст, или «шпионка», как ее называли воспитанницы за ее вечное подсматривание за ними, не могла произнести ни слова. Только нечто, похожее на ужас, отразилось в ее выцветших глазах. Потом ужас сменился гневом. И этот гнев должен был разразиться, подобно грозе, над бедными головами юных спириток.

Дело в том, что «шпионка» только что вернулась из бани, едва успела обмотать мокрую голову полотенцем, а на костлявые плечи накинуть ночной пеньюар и фланелевую шаль. Услышав шум среди ночи, она пошла «дозором» по «старшему» коридору, выискивая беспорядок во вверенном ей помещении. И вот «охотничий нюх» – как выражались про нее институтки – не обманул немку. Ей удалось «накрыть» и поймать с поличным целую компанию. Да еще как накрыть!.. Как поймать!.. Со скандалом, с шумом, чуть не с боем!.. Ей, почтенной даме, фрейлейн Фюрст, наговорили дерзостей, ее вытолкали за дверь, ее называли так, как ни одна благородная девица не смеет позволить себе назвать свою классную даму!..

Немка словно зашлась... Ее лицо из красного стало багровым. Ее голова с мокрыми косицами жидких волос ходила, как маятник под часами. Но вот губы ее вытянулись вперед, показались желтые клыки зубов, и она загремела:

– Очень хорошо... Завтра же все будет известно маман... Все будут наказаны... Besonders⁷ вы, Елецкая... О... вы мне нагубили, вы меня чуть не прибили... Вы будете исключены... Или вы, или я!.. Jawohl!⁸ Нам вместе не бывать под этой крышкой...

Костлявый палец «шпионки» величественным жестом указал на потолок.

Последняя фраза показалась Воронской, несмотря на весь ужас положения, почему-то крайне комичной, и девочка чуть слышно фыркнула.

Мгновенно немка обрушилась на нее.

– Ага, вы еще смеяться!.. Шкандал такой, а им смех! Sehr gut!⁹ Всем пять за поведение, и всех выпустят без аттестата... А теперь марш спать! Завтра разберем все до нитки!

– Какие тут нитки! Пантаровой дурно... – не сдерживая уже себя более, проговорила Воронская.

– Не грубить! Спать!.. Акуля! Акуля! – неистовствовала немка. – Просыпайтесь, Акуля, просыпайтесь и несите m-lle Пантарову в лазарет! – тормошила она сладко спавшую девушку. Та, потягиваясь и позевывая, села на постели и не могла понять, что собственно требовалось от нее. Наконец, кое-как уразумев суть дела, Акуля, богатырского вида девушка, смущенная не менее самих воспитанниц присутствием классной дамы и «барышень», оделась, подняла с пола бесчувственную Малявку и бережно понесла ее в лазарет на своих сильных крестьянских руках.

– Вот что вы наделали, – зло шипела фрейлейн Фюрст, – полюбуйтесь на дело рук ваших!.. Чем вы здесь занимались? – напустилась она на девочек. – Что это за платок, что за блюдо и... и, Елецкая, почему вы бросились на меня? Вы будете мне отвечать или нет?..

– Уходите! – вдруг выкрикнула Елецкая. – Вы испугали Черного Принца! Он из-за вас не пришел. Не пришел... О-о-о-о! И все из-за вас! – рыдала она.

– Ага! Грубить! Еще грубить. О... Sehr gut! Sehr gut! В лазарет! – взвизгнула немка. – Вы больной представляетесь, чтобы избежать наказания... Я вас знаю... Но мы будем посмотреть еще, кто останется, я или вы, вы или я...

– Или мировой судья! – хладнокровно отозвалась Воронская и, подойдя к Елецкой, чуть слышно шепнула ей:

– Ступай, Ольга... Не драться же с нею, прости Господи... Ступай в лазарет. А мы завтра все сообща решим что делать. Не бойся, не выдадим тебя.

– Что вы шепчетесь, сейчас говорите мне, Воронская... – так и вскинулась ястребом на Лиду фрейлейн Фюрст.

– Ничего особенного, фрейлейн. Я только сказала Ольге, что если у нее болит живот, пусть попросит капель Боткина у фельдшерицы.

⁷ Особенно.

⁸ Да!

⁹ Очень хорошо!

– Ага! Так-то!.. Gut!.. Завтра все ваши дерзости будут известны тамап, все до капли, а теперь... Legen sie sich alle schlafen.¹⁰ А вы, Елецкая, марш за мною в лазарет.

И, зловеще потрясая мокрыми косицами, фрейлейн Фюрст величественно выплыла из умывальной, таща за собою оцепеневшую Ольгу, разом поблекшую, как блекнет после бури завядший цветок.

– Бедная Елецкая!.. – проговорила черкешенка.

– Мы ее выгородим, не бойся, – заверила ее Воронская.

– Лида, Вороненок, пусти меня лечь с тобою. Я боюсь, что Черный Принц все-таки явится сегодня, – стонала Додошка, уцепившись руками за руку Воронской.

Перестань, трусиха, – рассердилась та, – сколько раз говорить тебе, что никакого принца нет, не было и не будет.

– Как нет? А стихи? А блюдечко? А разговор духов? – послышались взволнованные голоса.

– Ха, ха, ха! – беспечно расхохоталась Лида. – Стихи сочинила я. Разве я не имею права справедливо считать себя поэтессой класса? Они, к сожалению, только не совсем верны географически, ибо Тигр и Евфрат никоим образом не протекают по Гренаде и булочной Филиппова там тоже нет. Их сочинила я, и в этом готова поручиться своею головою. Надеюсь, вы не откажете мне в доле поэтического дарования, сестрички?

– Ну-у-у? – протянули девочки разочарованно. – Вот оно что, а мы думали и правда! Ах, как это все прозаично и скучно объясняется, и зачем только ты поступила так, Лидка!

– А блюдечко толкала Елецкая, я сама видела, – не давая опомниться юным спириткам, нанесла им новый удар Воронская.

– Неужели правда? Но какая же лгунья Елецкая после всего этого! – возмутились те.

– Лгунья!.. Обманщица!.. Дрянь Елецкая, как долго она водила нас за нос! – негодовали возмущенные члены союза Таинственной лиги.

– Нет, неправда, я заступлюсь за Ольгу! Она не лгунья и не обманщица! Нет! – сказала Бухарина. – Она сама свято верила в свои сеансы, она была далека от обмана, – горячо и страстно говорила Зина. – Она не замечала, как нервно двигались ее пальцы и незаметно толкали блюдце каждый раз... О, как она должна быть несчастна сейчас! Бедная Лотос! Бедная Елочка! – и при этой заключительной фразе две слезинки выкатились из добрых немного выпуклых глаз «креолки».

– Вы слышали, mesdam'очки, Фюрстша сказала: или я, или она! – послышался снова голос Черкешенки.

– Успокойся, Гордская, милая. Мы выручим ее. Я еще не знаю как, но выручим непременно. Надо поговорить только с Большим Джоном, когда он придет, – успокоила Лида.

– Да, да, с Большим Джоном! С Большим Джоном! – подхватили девочки хором. – А теперь спать, mesdames, спать, души. Утро вечера мудренее.

¹⁰ Ложитесь спать все.

ГЛАВА 3

Новость. – «Первые» приуныли. – Додошка хочет странствовать. – Серая женщина. – Большой Джон в роли проповедника. – Бунт

Веселое мартовское утро так и просится в комнату. Сквозь чисто вымытые, по-весеннему нарядные окна класса заглядывает ласковое солнце. Лучи его, словно тонкие золотые иглы, живые и быстрые, играют на черных классных досках, на географических картах, на круглом и громадном, как голова великана, глобусе «сфере», на темной клеенке кафедры, на длинном ряде пюпитров и на черных, русых, рыженьких и белокурых головках девочек.

Тих сегодня этот класс, серьезны обычно веселые, болтливые девочки. Точно грозовая туча повисла над старшим, «выпускным» классом. Точно буря-непогода разразилась.

Еще утром, после молитвы и чая, выпускных водили в квартиру начальницы.

«Мамап» – высокая, полная, представительная женщина в синем, скрипучего шелка платье и ослепительно-белой наколке на голове – встретила воспитанниц на пороге «зеленой» приемной. Ее обычно доброе лицо было сурово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.